УДК 34

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (СТ. 285 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ РАЗРАНИЧЕНИЯ С ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ПРОСТУПКОМ

Клюева Е.С.
юридический институт НИУ «БелГУ»,
Студентка четвертого курса
г. Белгород, Россия

Худобердина Д.В.
юридический институт НИУ «БелГУ»,
Студентка четвертого курса
г. Белгород, Россия

Шумилина О.С.
юридический институт НИУ «БелГУ»,
доцент кафедры уголовного права и процесса, к.ю.н., доцент
г. Белгород, Россия

Аннотация: В статье исследуется проблема разграничения злоупотребления должностными полномочиями, предусмотренного статьёй 285 УК РФ, и дисциплинарного проступка. Рассматриваются признаки состава преступления, содержание дисциплинарной ответственности, значение существенного нарушения охраняемых законом интересов, корыстной или иной личной заинтересованности, а также вопросы оценки служебных решений, принятых с нарушением установленного порядка. Обосновывается вывод о том, что само по себе ненадлежащее исполнение должностных обязанностей не образует состава преступления: уголовно-правовая оценка допустима только при установлении всех предусмотренных законом признаков и их подтверждении совокупностью доказательств.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, статья 285 УК РФ, должностное лицо, дисциплинарный проступок, уголовная ответственность, существенное нарушение прав.

ABUSE OF OFFICIAL POWER (ARTICLE 285 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF DISTINCTION FROM A DISCIPLINARY MISCONDUCT

Klyueva E.S.

BelSU Law Institute,

Fourth-year student

Belgorod, Russia

Khudoberdina D.V.

BelSU Law Institute,

Fourth-year student

Belgorod, Russia

Shumilina O.S.

BelSU Law Institute,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, PhD in Law, Associate Professor

Belgorod, Russia

Abstract: This article examines the distinction between abuse of official power, as provided for in Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, and a disciplinary misconduct. The article examines the elements of a crime, the content of disciplinary liability, the significance of a material violation of legally protected interests, selfish or other personal interests, and the assessment of official decisions made in violation of established procedures. It substantiates the conclusion that improper performance of official duties in itself does not constitute a crime: a criminal assessment is permissible only if all the elements stipulated by law are established and supported by a body of evidence.

Keywords: abuse of office, Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, official, disciplinary misconduct, criminal liability, material violation of rights.

Разграничение преступлений против государственной власти и нарушений служебной дисциплины представляет практическую сложность, прежде всего, потому, что их внешние проявления нередко совпадают. Ненадлежащее решение служебного вопроса, необоснованная задержка оформления документа или отступление от установленного порядка могут

оцениваться и как дисциплинарные нарушения, и как признаки злоупотребления полномочиями. Однако совпадение фактического поведения не означает тождества оснований ответственности. Уголовный закон связывает наказуемость не с любым нарушением правил службы, а с совокупностью строго определенных признаков. Поэтому исходным вопросом должно быть не то, насколько неблагоприятно выглядит поступок служащего, а то, подтвержден ли каждый элемент состава преступления.

Диспозиция ч. 1 ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предполагает использование должностным лицом служебных полномочий вопреки интересам службы, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо организаций или охраняемых законом интересов общества, либо государства [1]. Эта конструкция является материальной: оконченный состав требует установления предусмотренных законом последствий и их связи с поведением виновного. Сам по себе незаконный управленческий акт, даже принятый сознательно, не позволяет сделать вывод о наличии преступления без исследования мотива и реального содержания наступившего вреда. Указанное обстоятельство имеет принципиальное значение именно при отграничении состава от служебного проступка.

Иная правовая конструкция используется в законодательстве о государственной гражданской службе. Согласно ст. 57 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» дисциплинарным проступком признается неисполнение либо ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей. Закон предусматривает замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнение по установленным основаниям; специальные правила ответственности за коррупционные нарушения содержатся в ст. 59.1-59.3 [2]. Следовательно, для применения дисциплинарного взыскания необходимо установить виновное нарушение конкретной служебной обязанности, но не требуется доказать весь набор признаков ст. 285 УК РФ. При этом данный режим относится к гражданской службе; для иных категорий работников и служащих действуют соответствующие специальные нормы.

Отдельное значение имеет законодательство о противодействии коррупции. Статьи 10 и 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ возлагают на определенные категории лиц обязанности по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. Законодательное

понятие личной заинтересованности здесь охватывает ситуацию, в которой получение выгод либо преимуществ способно повлиять на беспристрастное исполнение обязанностей [3]. Вместе с тем наличие такого конфликта нельзя автоматически отождествлять с корыстной или иной личной заинтересованностью как мотивом преступления. Антикоррупционные обязанности направлены также на предупреждение риска неправомерного решения; уголовная ответственность по ст. 285 УК РФ возникает лишь при доказанности уже совершенного деяния со всеми предусмотренными уголовным законом признаками.

Необходимое условие квалификации – признание лица специальным субъектом. Примечание к ст. 285 УК РФ связывает статус должностного лица с осуществлением функций представителя власти либо организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в указанных законом органах и организациях. Факт работы в государственном учреждении сам по себе недостаточен: лицо, выполняющее исключительно технические либо профессиональные задачи без соответствующих полномочий, не становится субъектом ст. 285 УК РФ только в силу места работы. Равным образом должностным лицом может быть лицо, наделенное необходимыми функциями временно или по специальному полномочию. Для разграничения требуется установить реальное содержание компетенции, а не ограничиваться наименованием должности.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий», действующее с изменениями от 11 июня 2020 г., ориентирует суды на проверку статуса субъекта, конкретных полномочий, цели их предоставления и последствий противоправного поведения. В пункте 15 разъяснено, что злоупотреблением может быть совершение действий, входящих в компетенцию должностного лица, но не вызываемых служебной необходимостью и совершаемых без обязательных условий или оснований; при соблюдении остальных признаков преступления значение может иметь и умышленное бездействие [4]. Тем самым нарушение должно быть соотнесено не с отвлеченным требованием добросовестности, а с определенным полномочием, предоставленным для выполнения публичной функции.

В этом отношении необходимо различать использование полномочий и использование положения, авторитета или личных связей. Должностное лицо может получить неправомерное преимущество за счет знакомства с другими служащими, не принимая при этом решений в пределах собственной

компетенции. Такое поведение при наличии соответствующих условий может подпадать под иные правовые запреты, но его нельзя без дополнительного обоснования квалифицировать по ст. 285 УК РФ. Напротив, если лицо само принимает юридически значимое решение, которое вправе было принимать лишь при определенных обстоятельствах, отсутствие этих обстоятельств позволяет поставить вопрос о противоправном использовании именно его полномочий. Различие требует изучения регламентов, приказов о распределении функций, должностных инструкций и фактического порядка принятия решений.

Формула «вопреки интересам службы» также не может подменяться ссылкой на любое нарушение внутреннего документа. Отступление от процедуры способно быть вызвано ошибкой, неверным пониманием регламента или объективными трудностями организации работы. Интерес службы в уголовно-правовом смысле определяется целями законно предоставленного полномочия, а не удобством руководителя или ведомственным показателем. Если чиновник, стремясь сократить очередь, меняет последовательность обработки обращений, вопрос о его ответственности зависит от характера нарушения, побуждений и последствий. Установление дисциплинарной неправомерности подобного решения еще не отвечает на вопрос, совершено ли преступление.

Наиболее существенным разграничительным признаком является последствие в виде существенного нарушения охраняемых интересов. Закон не устанавливает единого денежного порога для определения существенности по ч. 1 ст. 285 УК РФ. Поэтому неправильно признавать любое расходование бюджетных средств преступлением только вследствие установления суммы недостачи. Столь же ошибочно требовать материального ущерба во всех случаях. Существенность способна выражаться в тяжести ограничения конкретных прав, продолжительности нарушения, количестве затронутых лиц, невозможности нормального функционирования организации. В правовой оценке должна быть показана совокупность фактических обстоятельств, объясняющая, почему допущенный вред выходит за рамки последствий обычного дисциплинарного нарушения.

Например, необоснованное затягивание должностным лицом рассмотрения отдельного обращения может повлечь дисциплинарное взыскание, если не доказаны специальный мотив и существенные последствия. Иная оценка возможна, если сознательное блокирование решения из личной заинтересованности на длительное время лишило гражданина доступа к законной социальной мере и повлекло подтвержденные

серьезные последствия. При этом даже в последнем случае нельзя выводить существенность исключительно из продолжительности ожидания. Нужно установить, какое право нарушено, каким образом проявился вред и могло ли соответствующее решение должностного лица предотвратить его наступление. Приведенные ситуации являются условными моделями квалификации, а не описанием конкретных судебных дел.

Особенно затруднено доказывание посягательства на нематериальные публичные интересы. Указание на «подрыв авторитета государственной власти» встречается в правовых оценках, но такая формула без описания конкретных обстоятельств не раскрывает содержание общественно опасного последствия. Авторитет органа может пострадать вследствие ненадлежащего поведения его сотрудника; этого недостаточно, чтобы всякий случай нарушения дисциплины превратить в уголовно наказуемый. Необходимы проверяемые данные о характере и степени воздействия на охраняемый интерес. Если установлены лишь недовольство руководства и неблагоприятная оценка работы подразделения, речь не обязательно идет о существенном нарушении в значении уголовного закона.

Наряду с существенностью необходимо установление причинной связи. Нередко последствия возникают вследствие нескольких обстоятельств: ошибки должностного лица, дефекта информационной системы, неполноты представленных заявителем документов и действий иных работников. В подобных случаях недопустимо приписывать весь итоговый вред одному служащему без анализа его реальных возможностей. Проверка должна охватывать последовательность событий, содержание обязанности, момент совершения действия или бездействия и возможный ход событий при законном исполнении полномочия. Причинная связь не устанавливается предположением о том, что любое нарушение порядка управления неизбежно наносит существенный ущерб.

Специфика субъективной стороны злоупотребления должностными и полномочиями выражается в обязательной корыстной или иной личной заинтересованности. Корыстный мотив может состоять в стремлении получить имущественную выгоду для себя либо других лиц. Иная личная заинтересованность не исчерпывается материальным преимуществом: в соответствующих обстоятельствах она может быть связана с карьерными побуждениями, намерением скрыть собственные упущения, оказать услугу близкому лицу или получить поддержку. Однако перечисление возможных побуждений не освобождает от необходимости доказать конкретный мотив данного обвиняемого. Как подчеркивают Р.Х. Кухшов и А.В. Сурцев,

недопустим автоматический вывод о личной заинтересованности из самой незаконности должностного решения [5]. С этим подходом следует согласиться: противоправное действие и мотив являются самостоятельными обстоятельствами доказывания.

На практике особые вопросы возникают при стремлении обеспечить благоприятную отчетность подразделения. Желание избежать дисциплинарной ответственности или скрыть недостатки собственной работы может свидетельствовать о личной заинтересованности; стремление выполнить поставленную руководителем задачу само по себе такого вывода не гарантирует. Необходимо учитывать, кто получал преимущество, какие последствия лицо стремилось предотвратить для себя и какие данные подтверждают именно персональный характер побуждений. Если должностное лицо искренне, хотя и ошибочно, полагало, что действует в интересах ведомства, эта ошибка не устраняет автоматически возможную ответственность за другие нарушения, но не позволяет без доказательств констатировать специальный мотив ст. 285 УК РФ.

В уголовно-правовой литературе обсуждается и предел выражения «использование служебных полномочий». Так, А.А. Дюгаев связывает проблемы действующей конструкции с тем, что фактические возможности должностного лица могут быть шире формально предоставленной компетенции, и предлагали более широкую модель ответственности за злоупотребление публичной властью [6]. Эта позиция представляет доктринальный интерес, однако не может служить основанием для расширительного применения действующей ст. 285 УК РФ. Законодательно предусмотренный способ совершения преступления должен быть установлен на момент деяния. Иначе возможно привлечение к уголовной ответственности за использование общего социального влияния, которое уголовная норма в рассматриваемой формулировке прямо не охватывает.

Разграничение осложняет существование коррупционных дисциплинарных правонарушений, способных повлечь увольнение в связи с утратой доверия. Так, не уведомление о конфликте интересов при наличии предусмотренных законом условий имеет самостоятельное значение для служебной ответственности. Но отсутствие уведомления не доказывает, что должностное лицо воспользовалось определенным полномочием вопреки интересам службы и причинило существенный вред. Обратное утверждение фактически превращало бы предупредительную обязанность в дополнительный состав преступления, не установленный уголовным законом. В то же время применение к лицу дисциплинарной меры не исключает

уголовно-правовой оценки того же поведения, если доказаны все признаки конкретного состава; вопросы соотношения процедур при этом решаются по соответствующим правилам.

Не менее важно различать нарушение служебной дисциплины и действия, явно выходящие за пределы компетенции. Если лицо исполняет принадлежащее ему полномочие при отсутствии законных оснований, вопрос при соблюдении остальных условий может решаться в плоскости ст. 285 УК РФ. Если же совершаются действия, которые очевидно не входят в круг его прав, подлежит исследованию ст. 286 УК РФ. Ненадлежащее исполнение обязанностей по небрежности при наступлении предусмотренных законом последствий может относиться к ст. 293 УК РФ. Между тем отсутствие признаков ст. 285 не всегда означает наличие другого преступления. Подмена одного состава другим без самостоятельного установления его элементов нарушала бы требование законной квалификации.

Следует учитывать и различия в основаниях юридической оценки одних и тех же действий. Служебная дисциплина охраняет установленный порядок деятельности и предполагает возможность воздействия на работника уже в силу виновного нарушения обязанности. Уголовное право использует более узкие условия ответственности, связывая ее с общественной опасностью конкретного деяния. Поэтому тяжесть возможного дисциплинарного взыскания не определяет автоматически уголовную наказуемость поведения. Увольнение за грубое или коррупционное нарушение может быть правомерным даже тогда, когда существенные последствия для квалификации по ст. 285 не установлены. И напротив, сравнительно небольшой по своему организационному масштабу эпизод способен получить уголовно-правовую оценку при наличии доказанной совокупности признаков состава.

Для иллюстрации можно рассмотреть назначение на должность лица, не отвечающего обязательным требованиям. Если руководитель сознательно игнорировал установленную процедуру в пользу знакомого, для дисциплинарной ответственности достаточно оценить виновное нарушение соответствующей обязанности. Для ст. 285 УК РФ необходимо дополнительно выяснить наличие конкретного служебного полномочия на назначение, личную заинтересованность, характер наступивших существенных последствий и причинную связь. Само по себе предпочтение знакомого, хотя и нарушающее требования служебного поведения, не заменяет доказательства последствия. При иных фактах, например при длительном незаконном отвлечении бюджетных средств или нарушении прав иных кандидатов, оценка

может измениться, но только после установления степени и юридической значимости вреда.

Другой пример связан с предоставлением ведомственного имущества для личного использования. Нарушение установленного порядка использования служебного автомобиля способно повлечь взыскание. Для уголовной квалификации необходимо определить, осуществлялись ли именно должностные полномочия, был ли специальный мотив и наступили ли существенные последствия. Нельзя считать решающим обстоятельством одну лишь стоимость поездки либо субъективно неблагоприятную оценку поступка. Если имущество передано распоряжением лица, уполномоченного им управлять, и вследствие этого учреждение понесло значительный ущерб либо существенно нарушены другие охраняемые интересы, возможна иная правовая оценка. Во всех случаях важно отличать использование ресурса от использования властно-распорядительной компетенции.

Представляется, что алгоритм разграничения должен состоять из нескольких последовательных проверок. Сначала устанавливаются статус лица и источник конкретного полномочия. Затем оценивается совершенное действие или бездействие в сопоставлении с условиями правомерного осуществления компетенции. После этого исследуется личная заинтересованность, причем не в форме предположения по результатам, а на основании фактических данных о побуждениях. Далее определяются нарушенный охраняемый интерес, существенность последствия и причинная связь. Наличие любого пробела в этой системе не может компенсироваться ссылкой на общую коррупционную направленность поведения. При отсутствии признаков уголовного состава отдельно рассматриваются основания дисциплинарной, а при необходимости иной предусмотренной законом ответственности.

Научная и практическая проблема заключается не только в оценочном характере последствия. В материалах служебных проверок нередко описывается сам факт отступления от регламента, тогда как последствия и мотив отражаются обобщенно. Перенос такой конструкции в обвинение создает риск смешения двух различных предметов оценки. В связи с этим целесообразно требовать от правоприменителя отдельного обоснования каждого признака ст. 285 УК РФ с указанием соответствующих доказательств. При оценке существенности предпочтительнее единая методика мотивирования, опирающаяся на характер нарушенного права и фактический масштаб вреда, а не универсальная денежная граница, которая не способна охватить нематериальные последствия.

Граница между дисциплинарным проступком и злоупотреблением должностными полномочиями проходит не по признаку формальной незаконности решения и не по степени морального осуждения служащего. Она определяется наличием специального субъекта, неправомерного использования конкретного служебного полномочия, предусмотренного законом мотива, существенного нарушения охраняемых интересов и причинной связи. Дисциплинарное нарушение может составлять фактическую основу исследования, но не заменяет уголовно-правового доказывания. Наиболее обоснованным видится применение последовательной квалификационной модели, при которой содержание каждого признака раскрывается самостоятельно. Такой подход позволяет одновременно избежать необоснованной криминализации служебных ошибок и исключить освобождение от уголовной ответственности под видом применения исключительно дисциплинарных мер.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ : принят Государственной Думой 7 июля 2004 г. : одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31.
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 25.04.2026).
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.)
5. Кушхов Р. Х., Сурцев А. В. К ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ // Образование и право. 2022. №5.
6. Дюгаев А.А. МОТИВЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ // Вестник магистратуры. 2023. №6-3 (141).